

Среди книг и журналов.

Русская зарубежная литература в 1925 году

(Письмо на Родину).

Мне захотелось придать моей статье форму письма на Родину. Я думаю, эта форма не будет искусственной, — мы, писатели-эмигранты, всегда рассчитываем, что так или иначе наши писания прочтутся в России. Российский читатель нам особенно дорог, так как является проводником прочитанного в широкую родную среду. И естественно, что каждому из нас хочется поговорить с Родиной, — похвалиться нашим хорошим, пожаловаться на дурное, и вообще рассказать о самих себе. Ведь мы же все говорим, что нужно, хотя бы мысленно, — раз нельзя физически — вернуться домой в Россию. Вообще, думается мне, не дурно было бы завести в эмигрантской прессе отдел не только писем с Родины, но и на Родину. Чем дальше, тем больше у нас налаживается взаимодействие с Россией, и эта литературная форма могла бы послужить к усилению взаимного понимания.

Итак, дорогие наши российские читатели, какими литературными достижениями 1925 года мы можем похвалиться перед вами? Каков наш литературный актив за этот год? Но во избежание всяческих недоразумений, два слова о претензиях эмиграции на культурное «водительство». Теперь не слышно уже разговоров о каком то «особом назначении» эмиграции, о том, что она «единственная хранительница русской культуры», и в частности, хранительница художественной литературы. Но все же эмиграция чувствует себя культурным осколком России, хотя и попавшим в совершенно отличные от российских условия. Ведь, у нас за рубежом как никак около ста газет, да столько же, если не больше журналов, от самых левых, анархических, до крайних черных, монархических! Богатейшее разнообразие красок, не правда ли? Что Россия в будущем воспримет из этого разнообразия и что в историческом сплаве жизни не сы-

грает никакой роли — это другой вопрос. Но, конечно, нет сомнения в том, что культурная работа эмиграции не пройдет бесследно и принесет свою долю пользы освобожденной стране, пребывающей все эти годы в навязанной ей большевиками атмосфере насилия коммунистических догм, мысли и чувства. Только с этой скромной точки зрения мы и оцениваем значение русской зарубежной литературы, будучи твердо убеждены в том, что главная основная творческая сила должна развиваться и развивается на Родине, а не на чужой земле.

После этого предварительного замечания, хочется показать, что зарубежная литература и на седьмой год эмиграции не только не выдохлась, но, наоборот, принесла России ценные подарки.

*
*
*

Первой литературной величиной у нас здесь в эмиграции считается И. Бунин. Его мастерство сравнивается с мастерством Л. Толстого, говорят о «литературной святости» Бунина; каждый, даже небольшой, его рассказ расценивается как литературное событие. Лично я всего Бунина так безраздельно воспринять не могу. Временами Бунина в прозе мне чем то напоминает Брюсова в поэзии. Некоторые из его последних рассказов («Красный Генерал» и «Товарищ Дозорный») просто тенденциозны. Больше того, Бунинская озлобленность и, вместе с тем, его какая-то литературная холодность, приковывающая больше внимания к форме и стилю, чем к целому, не дает ему полной завершенности. И все-таки, несмотря на эти мои личные оговорки, идущие вразрез с общим зарубежным мнением, я должен признать, что «Митина Любовь», появившаяся в 1925 году, вещь исключительная и останется в русской литературе шедевром. Нельзя к ней подходить с вопросом, какова должна быть, на самом деле, идеальная любовь? или, по примеру советского критика Воронского, искать в ней социальной созвучности, «сегодняшнему или завтрашнему дню».

Стало банальным говорить об особом чувстве природы у Бунина, но я все-таки скажу, что главные герои его романа: природа с ее любовью и человек Митя — частица природы. В то время, как сама Природа упивается любовью, зачинает в весеннем сладострастии новую жизнь, цветет, рождает и, насладившись кругом жизни, вянет и замирает осенью, Митя, — человек, опьяненный любовью, но не получивший удовлетворения. — не находит иного, чем самоубийство, выхода; это вечная трагедия молодой, настоящей любви. И случайность, деталь романа только, что Митя — сын помещика, и что трагедия разыгрывается в дворянской усадьбе. И роман, то ведь сам по

себе несложен: Митя полюбил московскую барышню, молодую артистку. Полюбила его и она. Позволяла себя ласкать, но женой Митиной не стала, уехала в Крым и там отдалась антрепренеру. Настоящую любовь Митя пробует заменить подделкой с деревенской женщиной, пришедшей к нему за пять рублей... Но молодое чувство не выдерживает, и Митя стреляется. Вся эта — пусть шаблонная — история Митиной любви протекает на фоне природы; параллелизм в природе и в чувстве человека изображен Буниным с необычайной силой.

«Митина Любовь» уже переведена на четыре языка и имеет большой успех.

Другим крупным литературным произведением 1925 года считается «Чортов мост» Алданова. Это вторая часть его исторической трилогии «Мыслитель». Алданов у зарубежной России — тоже в большом фаворе. У меня в руках «Девятое Термидора» — первая часть его трилогии, книга взятая из библиотеки Земгора. Книга настолько зачитана, что ее страшно держать в руках. Вся критика дает об Алданове только положительные отзывы. Конечно, не обходятся и здесь без сравнений: Алданов сравнивается с Анатолем Франсом, с Ромэном Ролланом и Л. Толстым. Но это такой уже наш эмигрантский грех — возвеличивать своих до самых вершин. Если оставить пока в стороне все эти сравнения, то нельзя не сказать, что романы Алданова занимают весьма почетное место в нашей литературе — правда, в определенной области ее — в серии исторических романов. Из таких историков-романистов мы имеем только одного Мережковского, по романам которого знакомимся с определенными эпохами. Но, если справедливо упрекают Мережковского в том, что перспективы своих исторических романов, он искажает введением в них, в качестве стержня, своих специфических религиозных идей, то у Алданова видишь только историческую композицию, построенную при помощи имеющихся материалов. В своем предисловии к трилогии Алданов пишет, что у него на все имеются «оправдательные документы». Это конечно, не значит, что в трилогии нет единой философской мысли. Но Алданов не из тех мыслителей, мысли которых побеждают исторический материал точно изображаемой ими эпохи. А материал Алдановым, действительно, мастерски и прекрасно изложен в форме романа. Но если Эберс в своем историческом романе «Дочь Египетского Царя» дал нам образ современной ему немки, а у Мережковского в «Тутанхамоне» из под внешнего образа девушки-язычницы выглядывает барышня петербургского религиозно-философского общества, то у Алданова все это, не исторические, персонажи с успехом могут быть игнорируемы. Он не дает *своих* типов. В общей развертываемой им исторической картине эти персонажи никакой роли не играют, их поведение исторических событий не осмысливает и даже

самый душевный мир их читателя не заинтересовывает. Вот почему при оценке романов Алданова читателю хочется обратиться не к критику художественных произведений, а только к историку. Алданов заставляет напряженно интересоваться эпохой; вопрос — правдоподобно ли то или иное событие — вот, что при этом больше всего занимает читателя. На этот вопрос такие наши историки, как А. А. Кизеветтер, отвечают положительно. Сам Алданов при описании похода Суворова ссылается на помощь и советы такого авторитета в военно-исторических вопросах, как генерал Н. Н. Головин. Поэтому, я не считаю правыми тех, кто заподозривает Алданова в изображении французской революции с точки зрения пережитой нами русской революции. Если мы находим в его романах близкое нам по переживанию последнего десятилетия, то это говорит только о сходстве эпох. Возьмите любую книгу по истории французской революции, и вы там прочтете о себе. А произведения из эпохи французской революции тех писателей, с кем сравнивают Алданова — Анатоля Франса и Ромэн Роллана, — разве не созвучны они нам?

Но есть и огромная разница между Алдановым и указанными корифеями французской литературы; «Боги жаждут» Анатоля Франса — монолит, в котором исторические вихри и человеческие страсти составляют одно целое; персонажи романа не отделимы от изображаемых событий. Художник как бы сам участвовал в них. И вопроса об исторической правдоподобности не возникает. Верить на слово художнику.

Ромэн Роллан в своем предисловии к «Игре Любви и Смерти» (напечатанной № 1 «Воля России» за 1926 год) прямо говорит, что он и не стремится к правдоподобию своих образов, потому что для него история — хранилище страстей и сил Природы, а они бессмертны. Ромэн Роллан хочет «не только создать героическую драму из прошедшей эпохи, но и исследовать силы и пределы жизни». — «Наши полубоги и миотавры получили в Московии новые воплощения, более разительные. Это — вечные выходцы, это люди, постоянно воскресающие под тысячью и одним покрывалом Протей; для меня это приманка и добыча истории. Это больше, чем люди одного дня... Это силы, вселившиеся в одни тела, а затем нашедшие себе иные воплощения». Сам Ромэн Роллан пишет, что его произведение написано под влиянием событий в России, но, конечно, «при сохранении особенного отблеска исчезнувшего дня; ибо ведь у каждого дня — свой цвет». И действительно, при чтении драмы Ромэна Роллана чувствуешь и воспринимаешь не только определенный исторический эпизод, но вечную игру человеческой любви и смерти, человеческой жертвы за истину и правду. Так было в древние времена, так было во время французской революции, так и в наши дни. Нельзя без волнения читать «Игру

любви и смерти», так она созвучна нашим героическим дням. В романах же Алданова не чувствуется героического пафоса эпохи.

Я извиняюсь за некоторое отступление, но эта экскурсия в сторону Анатоля Франса и Ромэна Роллана ярче оттеняет то, чего нет у Алданова. У меня законный повод к отступлению, критики сравнивали Алданова с этими последними. Правильно заметил как то в разговоре один тонкий художник, что у Алданова, на палитре много различных красок, но нет своей, собственной, краски. А Бабушка Брешковская (она все еще пипет, волнуется и без конца занята устройством всевозможных детских учреждений), прибавляет, что у Алданова совсем нет положительных типов. Но за всем тем романы Алданова являются лучшими *историческими* романами.

*

*

*

Говоря дальше об «эмигрантской» литературе, я должен обратиться к «Современным Запискам». Не знаю, на сколько часто Россия видит книжки этого журнала, но у нас, за границей, «Современные Записки», — «все равно, что обед» (так выразился недавно один критик). Каждый хотя бы немного интересующийся литературой, читает очередную книжку журнала. В ноябре, с выходом 26 книжки вся пресса отметила пятилетний юбилей журнала. Конечно, и здесь эмигранты не изменили себе: «Современные Записки» объявлены таким журналом, «какого в России еще никогда не было!». Не станем этого оспаривать, самодовольство да будет маленьким утешением в тяжелой эмигрантской жизни. Но признать нужно, что все именитое, действительно, появляется в «Современных Записках». Ведь и «Митина Любовь» и «Чортов Мост» предварительно появились в «Современных Записках». Следует даже больше сказать; без имени в «Современные Записки» попасть нельзя. Когда-то наши журналы гордились тем, что выводят новых писателей, что на ряду с большими именами пропускают в литературу и начинающих. Один из самых чутких наших литературных редакторов, ставивший своей прямой задачей открытие новых писателей, В. С. Миролубов, был особенно в этом отношении характерен. Сколько и сколько современных писателей ведут свое начало от Миролубовского «Журнала для всех». И как был чуток к начинающим Короленко... Теперь не то! Если «Современные Записки» печатают только именитых, то другое парижское издательство, выпустившее несколько сборников, прямо заявило как то одному из молодых (по эмигрантскому счету), что хотя произведение его не дурно, но сам он без имени, а потому... получите рукопись обратно.

Итак, для того чтобы знать, что пишут Шмелев, Ремизов,

Зайцев, Бунин, Мережковский, необходимо следить за «Современными Записками».

В 1925 году в «Современных Записках» напечатано три больших рассказа И. Шмелева: «Про одну старуху» (рассказ бывалого человека), «Каменный век» и «На пеньках» (рассказ бывшего). Лучший рассказ — «Про одну старуху» — это все та же Шмелевская манера, что и в его «Рассказе человека из ресторана». Сюжет из советской жизни — про старуху крестьянку, про ее муку и смерть за муку. По совести говоря, пожалуй, такой сюжет прошел бы и в России; в советской литературе бы теперь довольно свободно описывается. Но до Шмелевского стиля российским молодым далеко. Есть какая то небрежность, невыписанность в стиле молодых российских писателей. Если Романов и владеет стилем «бывалого» рассказчика, то у него нет еще чувства меры, чувства внутренней красоты самого стиля, отсюда отсутствие требовательности к самому себе в обработке рассказа. Шмелев же старый опытный мастер, знающий цену каждому слову. «На пеньках» рассказ «бывшего», у которого «все украли, меня самого украли». Трагедия души человека, жившего до революции только жизнью искусства, любящего мир в его культуре и истории, а теперь в чистую опустошенного, — изображена Шмелевым с большой художественной правдоподобностью, потому что сам Шмелев, один из тех современных писателей, раздавленных революцией, который все это переживает глубоко и искренно. «Каменный век» — повесть из историй голодного крымского жителя. Я не имею возможности дольше останавливаться на Шмелеве, но сам писатель по своей талантливости и глубине заслуживает более того, что я сказал.

Вот кто нисколько не раздавлен и не опустошен, как писатель, это А. М. Ремизов. Он — все тот же, что был и на Песках до войны, потом на Васильевском Острове и на Троицкой улице. Хитрый, но без всякой злобы, он подсматривает и подслушивает из своего угла человеческую жизнь. А что бы завязать настоящую будничную жизнь — заводит он около себя, как и в Питере, всевозможную нечисть, но только всюду свою местную нечисть; в Берлине берлинскую, немецкую, в Париже — французскую. Ремизов не был бы Ремизовым, если бы в Париж он привез своего старого хозяина — домового из Берлина или Питера. Он дружит, он интимничает с той жизнью, в которую попадает. Есть люди, которые попавши в новый город бегут в музеи, библиотеки, на площади. Ремизов же прежде всего обживается в своей комнате, заводит дружбу с Хозяином, а потом уже ждет, чтобы город сам шел к нему. И тогда направляются к нему черти, люди, мыши и самое главное — дети. Больше ему ничего не надо: это завязь, жизнь. А отсюда для художника материал, отсюда «Espit» Ремизова в «Современных За-

писках»; рассказать его нельзя. Правда, есть критики, особенно из дам, которые по поводу этих рассказов Ремизова умиляются: «Ах, как он любит детей, ах, какой он милый, задушевный». Но все эти эпитеты также подходят к Ремизову, как «душка» к тому мыслителю на Соборе Парижской Богоматери, о котором говорит Алданов в своем романе. Ремизов лет на двести, на триста старше этих своих «милых» критиков.

Таким же, каким был и прежде, остался Ремизов и в своих отношениях с читателем. Вот сегодня принесли мне из библиотеки кучу беллетристики — тут и Гребенщиков и Минцлов (для России новое имя, а у нас ходовой писатель), и Алданов, и другие: — и все на один день: огромная очередь на них, нельзя держать, а с Ремизовским сборником «Зга» можно не торопиться. Влияние Ремизова в русской литературе не искоренимо. Вольно или невольно, но существует уже целая ремизовская школа писателей, а в глубину, в толщу читательскую, как этого Ремизов заслуживает, он еще не вошел. С интересом зарубежная русская публика читает перепечатываемые из советских журналов бытовые рассказы; я пробовал теперь перечитать из этой литературы то, что появилось в 22—23 году. Уже скучно... А между тем. Ремизовские рассказы на эти же темы «Сережа», «Труддезертир», «По бедовому декрету» («Сов. Зап.») в литературе останутся, потому что они не фотография, а преломление жизни через призму творческого глаза. Только на расстоянии русские поймут и почувствуют полноценность ремизовского богатства.

Борис Зайцев в этом году закончил свой большой роман «Золотой Узор». Но о нем здесь я писать не буду, так как печатался он в «Современных Записках» в течение трех лет... В 1926 году роман выйдет отдельным изданием. Кроме того, в этом же году в «Современных Записках» напечатаны его «Алексей Божий Человек», а раньше появился его же «Сергей Радонежский». Такая литература пользуется большими симпатиями эмиграции, краткий же стиль Зайцева как нельзя больше подходит к житиям святых...

Д. Мережковский, давший в прошлом году роман «Рождение богов», («Тутанкамон на Крите»), в 1925 году не печатался. Но уже с января 1926 года мы начинаем читать отрывки его нового романа «Мессия» (из истории Египта).

* * *

Теперь я скажу о двух писателях, которых можно разделить между Россией и нами: это Каллиников и Эренбург. Первый — эмигрант, но зарубежная Россия не приняла его романа «Моци» («Современные Записки» отвергли его, так как автор изображает монастырскую жизнь с отрицательной стороны, а журнал «держит курс на национально-религиозное преображе

ние демократии») роман появился в московском издательстве «Круг» (при содействии Максима Горького). Второй же — Эренбург советский, хотя и предпочитающий жить за границей. Его роман «Рвач» напечатан у нас за границей, так как его не прияли большевики.

«Мощи» имеют возможность читать сами россияне. Мы же получили пока первый том романа. Всего будет три тома. Но уже по первому тому можно смело сказать, что эмиграция дала России неплохого писателя. Он ярко изображает быт дореволюционной провинции и на фоне ее дает красочную фигуру рыжего монаха Афоньки. Есть у Каллиникова и слабые стороны (описание Петербурга, изображение революционной среды, с которой он, повидимому, совсем не знаком и др.). Автором владеют образы двух, трех типов, которых он хочет показать во всю величину. Нужно подождать выхода остальных двух томов, чтобы судить, насколько удачно автор справится со своей задачей — монаха Афоньку сделать чекистом, а Николку — настоятелем монастыря.

С большой охотой мы отказались бы от «Рвача» Эренбурга. Но что делать: слова из песни не выкинешь; у нас напечатан, мы и отчитаемся. Единственный роман — с солью и перцем — у Эренбурга это «Хуллио Хуренито», особенно первая часть его. Чем дальше, тем все преснее и преснее становятся эренбургские романы. И не удивительно: не так уж велик багаж Эренбурга, чтобы, при той быстроте, с какой он выбрасывает на рынок свои произведения, можно было каждый раз ожидать что либо значительное, новую литературную ценность. Видимо ему не дают покоя лавры Боборыкина и Амфиатрова с их сотнями романов.

«Рвач» роман тенденциозный, с рассуждениями и не смотря на свою величину — 450 страниц — беден материалом. Захватывает он и дореволюционную среду, и 17-ый год, и гражданскую войну, и эппмановскую эпоху, — но все это поверхностно и с ярким политическим пристрастием автора. Эренбург «раб власти», как удачно назвал его один критик. В 1917 году Эренбург был с Временным Правительством. Потом в Киеве во времена добровольцев он — не враг добровольцев, что документально доказал в «Былом» С. Мстиславский. Теперь — верноподданный большевиков. Весь новый роман окрашен этой дешевой верноподданностью. Враги большевиков — эс-эры ли они, просто ли обыватели, офицеры-ли, в романе выведены, как презренные люди, как отвратительные типы, а тюремщик большевик, чекист — люди долга, чести и совести. В болоте верноподданности и в гуще рассуждений погиб и сам Рвач. Эренбург не сконцентрировал силы своего таланта на этом интересном современном типе (вернее автор и не владеет достаточным материалом для этого образа), а увлекся другими це-

лями: осмеять противников нынешней власти, фельетонно изобразить пэп, погладить по головке большевиков. В результате получился не сильный рвач, а так просто — мелкий жулик, с проплеванной душой. Но при всей своей верноподданности у Эренбурга есть какая-то смердяковщина, которая и в положительные его типы вносит то, что лишает их какой-либо человеческой красоты. Нет ничего святого, на что бы Эренбург тайком или открыто — особенно если это нравится власти — не плюнул. Но достаточно об Эренбурге, хотя он очень типичен для нашего времени. Талантлив, но циничен.

* * *

Не повезло с изданием в этом году В. И. Немировичу-Данченко. Несмотря на свои 82 года, он много пишет, — в рукописи большой роман «На бабьих хлебах», дневник «Иов на гноище» и др. Но в печати в 1925 году ничего не появилось. Зато его много переводят на чешский, немецкий и французский языки.

Амфитеатров вспомнил старинку, свое сотрудничество в «Новом Времени», и блистает в «Возрождении». О его новой беллетристике ничего не слышно. Арцыбашев тоже весь в газете «За Свободу». В Варшаве был издан какой-то его трагический фарс «Дьявол», но достать «Дьявола» в Праге нельзя. Чириков напечатал два-три небольших рассказа. Мих. Осоргин печатает в газетах отрывки из романа «Сивцев Вражек».

Горький, хотя и не политический эмигрант, но живет тоже у нас, за рубежом. Он в стороне от общей русской зарубежной жизни. Все свои новые произведения Горький печатает сначала в берлинской «Беседе», а потом повторяет в советских изданиях.

Совсем исчез с нашего русского литературного горизонта Л. Доброправов, так хорошо когда-то дебютировавший своей «Новой бурсой» и «Диспутом». Одно время он занимался глупостями в бессарабских газетах, в 1925 году связался с Алексинским и чуть ли не записался в члены «Главного Комитета Всероссийского Крестьянского Союза»... (о, если бы в России знали, сколько у нас в эмиграции «главных комитетов Вс. Кр. Союза!) А между тем, Доброправов, на ряду с этими глупостями, сидит и выдерживает как доброе вино роман «Князь века сего». Знакомство только с отдельными главами романа говорит о большой работе писателя.

Одно время зарубежная критика очень выдвигала Лукаша, на него возлагались большие надежды. В этом году он выпустил повесть. О содержании ее можно судить по названию: «Граф Калиостро». Повесть о философском камне, госпоже из дорожного сундука, великих розенкрейцерах, волшебном золоте,

московском бакалавре, и о прочих чудесных и славных приключениях бывших в С.-Петербурге в 1787 году». Повесть не дурная и не хорошая, автором написана старательно.

Очень много пишет С. Мицлов. Я не читал его произведений до эмиграции. Но здесь он может с большим успехом конкурировать с Амфитеатровым, как в быстроте своей работы, так, пожалуй, и в читабельности. В этом году, помимо всяких других его полуисторических, полулитературных работ, вышли романы: «Гусарский роман», «Под шум дубов», «Сны земли» и сб. рассказов. Говорить о художественной стороне этих романов не приходится. Но для публики занимательное чтение. Исторические романы Мицлова вполне в русле Мордовцева, Лажечникова, Салиаса и т. п.

Много, много в эмиграции пишут. О всем в небольшом письме и не сказать. Выходят отдельные сборники, регулярно печатаются рассказы в воскресных номерах газет, в журналах. Летом на литературный конкурс «Звена» в течение одного месяца откликнулось 170 авторов. Нельзя не отметить появления интересного чисто литературного журнала «Благонамеренный». Название журнала здесь не при чем, благонамеренность объясняется только по отношению к искусству (искусство для искусства). По своему общему облику № 1 журнала производил свежее впечатление. Главное — не боится неизменных.

* * *

В заключение разрешите ошеломить эпопеей в двенадцать самостоятельных романов. Три романа уже напечатаны (из них два в 1925 году). Ожидается еще девять, причем 4-ый, 5-ый и 6-ой тома уже печатаются. Каждый том не менее 200 страниц, обычного книжного формата. Автор — наш старый знакомый, сибиряк Г. Д. Гребенчиков. Название эпопеи «Чураевы», названия отдельных романов. I. — «Чураевы», II. — «Спуск в долину», III. — «Веление земли», IV. — «Трубный глас», V. — «Сто племен с единым», VI. — «Океан багряный», VII. — «Лобзание змия», VIII. — «Пляска во пламени», XI. — «В рабстве у Раба последнего», X. — «Суд Божий», XI. — «Идите львами», XII. — «Построение храма». Перед грандиозностью воздвигаемого здания умолкаю в благоговении и в ожидании.

* * *

В сведениях о нашем «бульваре», Бренко-Бренковском, П. Краснове, Ренникове, Нагородской, Данилевской и пр., я полагаю, Россия не нуждается. Большинство из них печатается в самой из черна черной монархической прессе и благополучно выпускает свои очередные «романы».

С. ПОСТНИКОВ.